

А. К. Лядов

Анатолий Константинович Лядов (1855—1914) — музыкант самообытного, очень своеобразного дарования. Вся его биография связана с Петербургской консерваторией. Там он получил музыкальное образование, был учеником Римского-Корсакова. По окончании консерватории он вел в ней музыкально-теоретические предметы, совмещая эту работу с преподаванием в Придворной певческой капелле. Среди его учеников такие известные музыканты, как Асафьев, Мясковский, Прокофьев.

Еще в 1870-е годы, будучи студентом консерватории, Лядов сблизился с членами Балакиревского кружка. Балакирев тогда доверил ему такое ответственное и важное дело, как редактирование первого издания партитур опер Глинки. Позднее Лядов помогал оркестровать Половецкие пляски из оперы Бородина “Князь Игорь”, а также оперу Мусоргского “Сорочинская ярмарка”. Постепенно Лядов стал одним из самых активных членов Беляевского кружка. Вместе с Римским-Корсаковым и Глазуновым он участвовал в работе художественного совета нотного издательства Беляева, в “Русских симфонических концертах” в качестве дирижера.

В репертуаре его концертных программ преобладали произведения русских композиторов — Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Танеева, Скрябина. Современники отмечали у Лядова-дирижера “сильный, нервный талант”.

Почти безвыездно Лядов жил в Петербурге, лето проводил в одном и том же месте в Новгородской губернии. Был скромным, не любил привлекать к себе общественное внимание, решительно противился всякого рода чествованиям. Вместе с тем он был обаятельным, остроумным человеком, легко находил общий язык с людьми разных взглядов, убеждений. Круг его интересов отличался широтой: философия, эстетика, естествознание, история, литература. Его идеалами являлись Глинка и Пушкин, а самым сильным увлечением — сказки. “Дайте сказку, дракона, русалку, лешего, только тогда я счастлив”, — говорил Лядов.

В музыке композитора преобладают светлые настроения, воплощаются лирические, лирико-эпические, сказочные, кукольные образы. Все произведения Лядова — это музыкальные миниатюры, для которых характерны прозрачность, “ювелирная” отточенность всех музыкально-выразительных средств, формы. Лядов писал в основном фортепианные пьесы: прелюдии, мазурки, вальсы, экспромты, арабески, этюды. Наиболее известная пьеса — “Музыкальная табакерка”. В ней с присущим композитору юмором воспроизведено “механическое” звучание детской игрушки:

3 **Automaticamente (Автоматично)**

pp sempre staccato

Из более крупных фортепианных произведений выделяется баллада “Про старину” — пьеса эпического склада. Позднее, переработав ее для оркестра, Лядов сопровождал партитуру эпиграфом из “Слова о полку Игореве”: “Поведем же, братие, сказание от времен Владимировых древних”. Широкая мелодия в духе песен-сказаний в медленной части и сопровождающие ее арпеджированные аккорды, имитирующие игру на гусях, рисуют образ древнерусского певца Баяна (см. далее пример 4). В быстрой части как бы оживают события его повествования. Лядов использовал здесь мелодию народной песни “Подуй, подуй, непогодушка” (пример 5).

4 Largo

5 [Allegro]

К народному музыкально-поэтическому творчеству композитор всегда относился с большой любовью. На подлинные народные слова потешек, присказок, прибауток он сочинил обаятельные детские песенки. С голоса крестьян записывал народные мелодии, сделал многочисленные (около двухсот) обработки народных напевов для голоса с фортепи-

ано, для хора, для фортепиано в 4 руки. Лядов написал также сюиту “Восемь русских народных песен для оркестра”. Это своего рода миниатюрная энциклопедия разных песенных жанров.

В последнее десятилетие жизни композитор создает несколько симфонических миниатюр — три симфонические картины “Баба-Яга”, “Волшебное озеро”, “Кикимора”, симфоническую картину “Из Апокалипсиса” и ряд других сочинений. В эти годы он сближается с представителями “Мира искусства”, увлекается новыми литературными и художественными направлениями.

Лучшими сочинениями этого периода являются три симфонические картины. Две из них — “Баба-Яга” и “Кикимора” — это портреты сказочных персонажей. Они имеют программное пояснение — тексты из русских народных сказок. Между ними Лядов помещает свою самую любимую пьесу “Волшебное озеро”. “Ах, как я его люблю! — писал Лядов в одном из писем. — Как оно картинно, чисто, со звездами и таинственностью в глубине!”. В этой пьесе — тончайшая звукопись, создающая хрупкий, мерцающий, зачарованный колорит. Вспыхивают и гаснут звезды, раздаются таинственные зовы из бездонной глубины. Не голоса ли это русалок? Возникают и тут же исчезают силуэты каких-то сказочных видений. Лишь постоянно чуть колышется водная гладь. В музыке на первый план выходят красочные выразительные средства: оркестровые тембры, гармония. Привычные мелодически развернутые темы отсутствуют, вместо них — короткие мотивы, трели. Они как бы возникают из глубины оркестрового звучания и вновь исчезают в нем:

6 **Andante** Arpa *f* *tr*

Arpa V-ni I V-ni I V-ni
V-ni II V-le V-le *legato*
Timp. *pp*
s

16